

ИСЛАМ И КУЛЬТУРА
Ответственный за рубрику:
Сефербеков Р.И.
© Исламоведение. 2018. Т. 9, № 2 (36)

ISLAM AND CULTURE
Person in charge of the section:
Seferbekov R.I.
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2018.
Vol. 9, № 2 (36)

DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-2-91-101

УДК 297.17+392.
72+394.262

Содержание статьи

Информация о статье

*Д.В. Буяров*¹

Введение
Основная часть
Заключение

Поступила в редакцию: 14.01.2018.
Передана на рецензию: 18.01.2018.
Получена рецензия: 31.01.2018.
Принята в номер: 26.03.2018.

Мэшрэп как обычай мужских собраний уйгуров Синьцзяна

Благовещенский государственный педагогический университет; buyarov_d@mail.ru

В статье рассматривается обычай мужских товарищеских собраний у уйгуров в Синьцзяне, являющемся территорией их компактного проживания. Хронологические рамки исследования определены XIX–XX вв. – временем, когда отечественные и западные исследователи начинают описывать мэшрэп. Анализ данного обычая позволяет классифицировать его как проявление традиционного общественного быта и духовной культуры. Изучение мэшрэпа свидетельствует об общепринятых форме и содержании данных мужских собраний в Синьцзяне, которые обладали также определенными районными различиями. Мэшрэп можно считать своего рода синтезом доисламских обычаев и элементов исламской религии. Мужские объединения, характерные для оседлых народов Центральной Азии, у уйгуров отличались рядом специфических черт и глубоко укоренились в народной исламской культуре. В своем развитии традиция мэшрэпов прошла длительный путь, превратившись к XIX в. не только в комплекс мероприятий развлекательного характера, но и в некоторой степени в фактор национальной консолидации. Посредством мэшрэпа осуществлялось коллективное воспитание молодежи. Юноши учились вести себя в обществе, а также усваивали основополагающие нравственные и культурные ценности своего народа. Можно полагать, что в мэшрэпах происходило формирование общественного мнения, отвечающего требованиям своего времени и этнокультурным установкам населения региона. Неслучайно религиозно-культурное содержание традиционных вечеров по-прежнему сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Особое внимание в статье обращается на структурные компоненты и этикетно-игровой характер мэшрэпа, который отличался строгим регламентом, а также выполнял социально-воспитательные и религиозно-культурные функции.

Ключевые слова: *Синьцзян, мэшрэп, уйгуры, ислам, традиционная культура, обычай.*

¹ *Дмитрий Владимирович Буяров* – кандидат философских наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой всеобщей истории, философии и культурологии, Благовещенский государственный педагогический университет; orcid.org/0000-0002-8337-6817.

DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-2-91-101

UDC 297.17+392.72+394.262

D.V. Buyarov²

**Content
of the article**

Introduction.
Main part.
Conclusion.

**Information
about the article**

Received: 14.01.2018.
Submitted for review: 18.01.2018.
Review received: 31.01.2018.
Accepted for publication: 26.03.2018.

Meshrep as a Custom of Male Assembly among Xinjiang Uighurs

Blagoveshchensk State Pedagogical University; buyarov_d@mail.ru

The article deals with custom of male assembly among the Uighurs in Xinjiang, which is the area of their residence. The chronological scope of the study is limited to the 19th – 20th centuries – the period when local and western scholars began to describe meshrep. The analysis of this custom allows us to classify it as a manifestation of the traditional social life and spiritual culture. The study focuses on meshrep conventional form and content of these male gatherings in Xinjiang with certain regional differences. Meshrep can be regarded as a kind of synthesis of pre-Islamic customs and elements of the Islamic religion. Male gatherings are specific to sedentary peoples of Central Asia. The Uighurs have different specific features that have been deeply rooted in folk Islamic culture. In its development the meshrep tradition has gone a long way, turning in the 19th century not only into a complex of entertainment events, but also to some degree into a factor of national consolidation. Meshrep served for collective education of youth. Boys mastered the ability to behave in the society in a proper way; they learned fundamental moral and cultural values of their people. It is believed that meshrep was the center of the formation of public opinion that met the requirements of time and ethnocultural values in the region. It is no coincidence that the religious and cultural content of the traditional parties still retains its relevance today. Special attention is paid to the structural components and etiquette-game character of meshrep that had strict regulations and was intended to fulfill the social, educational, religious and cultural functions.

Keywords: *Xinjiang, meshrep, Uighurs, Islam, traditional culture, custom.*

Введение

Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая расположен в центре Евразии в окружении гигантских горных цепей. После миграции уйгуров на территорию Восточного Туркестана в IX в. этот регион Центральной Азии стал новой родиной разрозненных племен. Долгое время у них отсутствовало единое этническое самоназвание, и уйгуры идентифицировали себя по юртам (этнографические группы) и оазисам. Но к XVII в., когда в целом завершился процесс исламизации Восточного Туркестана, сформировалась и уйгурская народность, имевшая общность происхождения, общие исторические и культурные традиции, язык и исламскую религию. В XVIII–XIX вв. этот регион называли Уйгуристаном, Кашгарией, Восточной Татарией, Малой Бухарией, Восточным или Китайским Туркестаном, а китайцы, окончательно присоединившие эту территорию в последней четверти XIX в., дали ей название Синьцзян («новая граница»).

На протяжении столетий уйгуры развивались как самобытный тюркский народ, во многом открытый для этнокультурных контактов. Культура уйгуров к XIX–XX вв. отличалась ярко выраженным национальным и исламским характером, и в то же время она испытывала воздействие со стороны соседних народов (в первую очередь

² Dmitry Vladimirovich Buyarov – Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Acting Head of the Department of General History, Philosophy and Culture Studies, Blagoveshchensk State Pedagogical University; orcid.org/0000-0002-8337-6817.

центрально-азиатских) и культурно-религиозных традиций (буддийской, манихейской, зороастрийской) при доминирующем влиянии ислама в позднее Средневековье и Новое время. На протяжении I–II тыс. у уйгуров складывались и развивались разнообразные традиции и обычаи, часть из которых сохранилась до наших дней. Одним из обычаев является обычай мужских собраний – *мэшрэп* (*мешреб*, *машраб*, *оттуз*, *мелис*).

Традиционная культура уйгуров Синьцзяна XIX–XX вв. изучена сравнительно в меньшей степени, чем этнография тюркских народов Центральной Азии. Проводя параллели между культурными традициями уйгуров и соседних народов, можно считать мэшрэп своего рода синтезом доисламских обычаев и собственно исламской религии. Первые научные описания мэшрэпа приводятся в работах российских офицеров и путешественников – Ч.Ч. Валиханова и М.В. Певцова, которые во второй половине XIX в. исследовали Синьцзян. Позже об обрядовой стороне мэшрэпа применительно к первой половине XX в. писали шведский ученый Г. Ярринг и немецкий исследователь А. Леккок. Их этнографические заметки позволяют в определенной степени реконструировать некоторые стороны традиционных уйгурских мужских собраний.

Основная часть

С поздней осени и до конца зимы земледельцы становились более свободными и начинали больше времени уделять отдыху и развлечениям, устраивая мужские и женские товарищеские собрания. Эти встречи были достаточно регулярными, как правило, два-три раза в неделю. Однако в XIX – первой половине XX в. проведение таких вечеринок могли позволить себе в основном богатые и зажиточные уйгуры. Для проведения мэшрэпа уйгуры собирались большими группами (до нескольких десятков человек) родственников, друзей и соседей. Мэшрэпы проводились в *кишлаках* – сельских населенных пунктах и *махалле* – городских кварталах.

Ч.Ч. Валиханов отмечал, что «туркестанская нация» (мусульманское тюркоязычное население Синьцзяна) отличалась исключительной общительностью и любовью к общественным мероприятиям. Российский путешественник писал: «Они любят общество, часто устраивают вечера, на которых обыкновенно бывает вино, музыка и женщины. Вечера эти сопровождаются большими церемониями и бесконечными околичностями... Кашгарские вечера «машраб» (мэшрэп) сопровождаются всегда пляской, в которой принимают участие все гости» [1, с. 168–169].

Односельчане встречались поочередно в домах у участников мэшрэпа. В такой компании они проводили время, начиная с сумерек и до первого намаза. Собрания проходили в специальной большой комнате с ковром посередине и задрапированными стенами. Обычно за мэшрэп дважды подавалась горячая пища (в полночь и перед рассветом), в остальное время собравшиеся разговаривали, молились, слушали музыку или сами пели, шутили, курили кальян [10, с. 15–16, 18]. Во время мэшрэпа исполнялись *мукамы* – музыкально-поэтические произведения, включавшие в себя традиционную инструментальную музыку и национальную поэзию. В то же время наряду с развлекательными мероприятиями ключевым компонентом мэшрэпа был трехкратный намаз.

Мэшрэп отличался этикетно-игровым характером. Участников мэшрэпа называли *оттуз огул*, что в дословном переводе означает «тридцать мужчин», хотя это число могло быть меньше или больше. Во главе собрания находился *йигит-баши* – энергичный, признанный всеми лидер (руководитель джигитов), *пашиа-бег* – управляющий, следивший за порядком, *кази-бег* – судья, *дарабег* – организатор развлечений и *келбег* – человек, ответственный за угощение [6, с. 122].

Паша-бег должен был следить за соблюдением этикета, который выражался в четком следовании этапам мэшрэпа, вплоть до соблюдения специальных поз. Участники вечера, которые располагались по старшинству, должны были сидеть, сложив ноги по-турецки или на согнутых коленях. Только с разрешения пашша-бега участники собрания могли принять свободную позу. В руках у паша-бега находился ивовый прут, который служил для сохранения дисциплины и которым можно было постучать по полу и даже слегка ударить нарушителя порядка [20, с. 22].

Келбеги, который управлял застольем, строго следил за соблюдением правил поведения за дастарханом, при этом особенное внимание уделялось наливанью чая. Сначала следовало холодное угощение (лепешки, пирожки, сладости), а затем подавались горячие блюда (лагман, плов, манты и др.). После еды гости начинали играть в *чах-чах* («шутка»). Чах-чах предполагал остроумные, добродушные шутки между участниками вечеринки, которые обыгрывали произошедшие недавно события или личные качества и особенности характера гостей. Иногда в мэшрэп приглашали одного или нескольких чахчахчи – профессиональных шутников.

После подачи чая или игры в чах-чах дарабеги начинал музыкальную часть мэшрэпа. Иногда для этого приглашали музыкантов и певцов, но достаточно часто и сами присутствовавшие исполняли песни, играли на музыкальных инструментах, а молодые люди танцевали. Музыканты и певцы, иногда аккомпанируя себе, распевали любимые народные песни – «Алтын-джан» (Золотая душа) и «Назыр-гум» (Милая моя). Уйгуры традиционно ценят музыку, пение и танцы. Серьезные и сосредоточенные в обыденной жизни, они при звуках музыки и песни оживлялись и с увлечением предавались веселью. Этому способствовало качественное музыкальное сопровождение. В состав «оркестра» входили следующие инструменты: *чашигар* – шестиструнная скрипка с длинным грифом, *ситар* – лютня с тремя медными струнами, *дутар* – двухструнная лютня, *рабоб* – шестиструнная лютня, *калун* – гусли и *доб* (*dan*) – бубен [4, с. 527].

Музыкальное сопровождение было необходимо не только для исполнения песен, но в первую очередь для танцев. Музыка сопровождала индивидуальные и парные танцы, причем такт танца выделяли ударные инструменты: *доб*, *думбак* и *награ* – большой и малый барабаны, *тевилгаз* – литавры из медного полушария, обтянутого кожей, и *жан* – медная тарелка. Сами по себе уйгурские танцы очень грациозны; они различаются по манере исполнения. Самыми популярными были: *уссул* – танец в стоячем положении, без приседания и *седир* – парный танец, состоявший из различных движений в присядку с хлопанием в ладоши. Также исполнялись танцы, изображавшие ухаживание мужчины за женщиной; роль последней иногда исполнял переодетый мужчина [2, с. 524–525]. Также в Синьцзяне существовала профессия женщин-танцовщиц – *ача* [1, с. 169].

Участники мэшрэпа рассаживались строго по возрасту: мужчины старшего и среднего возраста и молодежь сидели отдельно. Помимо музыкальных и вокальных номеров вечер сопровождался чтением исторических и суфийских книг на персидском и старуйгурском языках. Читали изречения ходжи Ахмада Ясави, сказания о мусульманских героях и «Шах-наме» [3, с. 10–12].

За нарушение правил мэшрэпа предусматривались наказания и штрафы. Они налагались в том случае, если человек опаздывал или нарушал этикет. Шуточным наказанием за мелкие провинности являлась необходимость имитации крика животных и птиц, например осла, барана, петуха и т. п. Также практиковалась система шуточных штрафов: взымали баранов (нужно было внести соответствующее число яблок), верблюдов (гранат), коней (груша), коров (слива). В настоящее время штрафы обычно взимаются в денежном виде. Также устраивались своеобразные судебные разбирательства, если поступали жалобы на грубость, непорядочность участников собрания. К числу нарушений моральных норм относили многоженство (в том случае, если мужчина не мог достойно содержать своих жен) и сожитительство. Выбранный

заранее кази-бег должен был уличить виновного, а ответчику необходимо было использовать свое красноречие. Таким образом, импровизированный суд выполнял как социальную, так и развлекательную функции. Среди «судебных приговоров» имели место обливание водой поставленного к стене провинившегося, которое было сродни побиванию камнями, а также такие формы наказания, как привязывание провинившегося к дереву на берегу арыка или ночь на кладбище. Мэшрэпы играли существенную роль в неформальной системе уйгурских общин [15, с. 204].

Существенный интерес представляют обычаи и суеверия, связанные с проведением мэшрэпа. Во время вечера в комнате или на веранде зажигали огонь в очаге. Он имел ритуальное значение, поскольку на нем нельзя было готовить пищу. Угощение для собравшихся готовили на другом огне. Огонь во время мэшрэпа должен был приносить благополучие. Золу от него никогда не выносили днем, а старались это делать рано утром до рассвета, так как дневное очищение очага могло навлечь несчастье на живущих в доме [4, с. 532]. Разведение ритуального огня на улице, веранде, в комнате или даже в специальном доме являлось обычаем народов Центральной Азии.

Еще одним ритуалом во время мэшрэпа были минуты молчания, когда все участники по сигналу паша-бега должны были в течение непродолжительного времени сохранять полную тишину. Вероятно, здесь проявляется влияние зороастризма и суфизма. Некоторые обряды зороастрийского культа в своеобразных проявлениях прослеживаются в исламской повседневной культуре Центральной Азии. Примером может служить почтительное отношение к огню. Исламская духовная практика – *зикр*. Он сопровождался безмолвными паузами, а богослужение заканчивалось всеобщим молчанием. Именно тихий *зикр* предполагал мысленное проговаривание специальной формулы с целью постижения истины единобожия [5, с. 93]. У уйгуров молчаливые паузы не сопровождались параллельным чтением молитвы, но соблюдались неукоснительно и были связаны с выполнением намаза. Уйгурский ислам стал версией суннитского ислама, испытав влияние суфийских братств и местных традиций [7].

Культурное влияние суфизма проявлялось и в развлекательной программе вечера. Наряду с народными танцами (*уссул*, *седир* и др.) исполнялся «вертящийся» танец, когда танцоры кружились вокруг своей оси. В культуре дервишей такие танцы имели ритуальное значение, а на уйгурских вечеринках они были развлечением, поскольку танцоры соревновались между собой по продолжительности кружения.

Участники мэшрэпа не только совместно отдыхали, но и решали важные проблемы своего селения или района в городе. Они участвовали в организации праздников и свадеб, в похоронах и поминках, в строительстве и ремонте домов, сборе денег для семей, оказавшихся в сложной ситуации. Уйгуры традиционно подчеркивали роль мэшрэпов в воспитании молодежи. В Синьцзяне бытовала поговорка «Отдай сына в школу, затем в мэшрэп», поскольку эта форма собраний учила молодых людей народным традициям, умению вести себя в обществе, взаимному уважению [21, с. 69]. Благодаря системе коллективного воспитания в мэшрэпе молодые люди усваивали культурные ценности (запоминали и ретранслировали *мукамы*), приобретали социальные навыки, участвовали в обычае взаимопомощи (при строительстве дома, организации свадеб и похорон).

Мэшрэп не следует считать специфическим мужским собранием. В узком смысле под термином мэшрэп понималось мужское собрание; в широком смысле слова – развлечение, вечеринка и т. п. Главной особенностью уйгурского мэшрэпа являлся эпизодический совместный отдых мужчин и женщин. Чаще это происходило ранней весной во время появления первой зелени. Но совместные увеселения имели место и в другие времена года, в т. ч. зимой. В некоторых районах Синьцзяна женщины на вечеринках пели и танцевали вместе с мужчинами, а в других местностях развлекались

в разных комнатах или домах. Так, немецкий исследователь А. Лекок отмечал, что зимними вечерами в районе г. Кучи почти ежедневно собирались компании мужчин и женщин, которые вместе отдыхали, но иногда в разных комнатах, при этом они слушали музыку, пели, танцевали. Эти встречи сопровождались застольем, иногда с вином [12, с. 91]. Русский путешественник М.В. Певцов, описывая нравы и обычаи населения Кашгарии, писал, что на вечеринках присутствовавшие мужчины и женщины танцевали попарно и поодиночке [4, с. 526]. Это объясняется тем, что положение и статус женщин в Синьцзяне отличались по сравнению с другими тюркоязычными народами Центральной Азии. Ч.Ч. Валиханов, осуществивший экспедицию в Кашгарию в 1858–1859 гг., писал, что «женщины принимают участие в удовольствиях своих мужей, и в собраниях присутствие их считается необходимым» [1, с. 166].

Основные черты уйгурского мэшрэпа – строгий регламент, религиозная, культурная и воспитательная функции – позволяют говорить о его типологической близости мужским собраниям у других центрально-азиатских народов. Так, например, узбекские *гань* объединяли друзей, соседей, родственников двух-трех поколений. В каждом кишлаке могло быть несколько таких объединений, в том числе по возрастному, соседскому, профессиональному признакам. Члены таких полупоформальных организаций составляли группы взаимопомощи, а также являлись своеобразными центрами духовно-нравственного воспитания молодежи.

Мэшрэп как форма организации по-прежнему сохраняется среди уйгуров Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и является одним из ярких проявлений народных традиций. Традиционные уйгурские собрания включают в себя музыку, песни, танцы, устную литературу, национальные блюда и в то же время они носят не только развлекательный характер. Иногда мэшрэп функционирует как «суд», где собравшиеся решают личные и групповые конфликты, а также сохраняют традиционные обычаи.

К элементам традиционной этнической культуры, существующим и в настоящее время, можно отнести мукамы – музыкально-поэтические произведения, включавшие в себя инструментальную музыку и национальную поэзию. Неотрывной частью уйгурской культуры выступают народные танцы (*уссул* и *седир*), отличающиеся своей грандиозностью и манерой исполнения. Среди уйгуров по-прежнему пользуются популярностью традиционные музыкальные инструменты (*доб*, *думбак*, *награ*, *тевилгаз* и *жан*). Важной частью современного мэшрэпа по-прежнему является специфический ритуал длительного по времени застолья и *чах-чах* – профессиональное исполнение разного рода шуток и проведение забавных конкурсов на общих собраниях. Отголоском исторического прошлого являются наказания и штрафы за нарушение правил мэшрэпа, представленные в шуточной форме, а также импровизированные суды. Элементом религиозной составляющей являются минуты молчания и трехкратный намаз. Таким образом, мэшрэп способствует социализации уйгурской молодежи, приобщая ее к исторически сложившимся культурным ценностям и традициям.

Тем не менее, существует множество факторов, угрожающих его жизнеспособности, такие, как социальные изменения, связанные с урбанизацией и промышленным развитием региона; влияние китайской и западной культур, а также миграция молодежи в города. Как следствие, снижается количество участников мэшрэпов и их регулярность.

В современном Синьцзяне становится все меньше людей, которые практикуют мэшрэп. Одной из форм его ретрансляции являются национальные фестивали, на которых демонстрируются уйгурские танцы и песни [22]. Но это не способствует комплексному сохранению традиций. В конце XX – начале XXI в. в связи с ростом сепаратистских настроений в СУАР прослеживается некоторое возрастание роли

мэшрэпов, которые становятся отчасти чем-то вроде нелегальных политических клубов. После национальных волнений уйгуров в 1997 г. в г. Кульдже мэшрэпы как коллективные собрания мужчин, и в первую очередь молодежи, были запрещены центральными властями КНР. Мэшрэпы всегда были связаны с исламскими традициями уйгуров, что вызывало недовольство центральных властей [18]. Мэшрэп как феномен общественной жизни способствует непрерывности культурной идентификации и сплоченности уйгурских общин [13] и тем самым мешает китайской ассимиляции Синьцзяна. Многими уйгурами организация мэшрэпов рассматривается как движение за укрепление моральных норм, развитие этики общества, национальных традиций, развитие уйгурской мусульманской идентичности [11].

В 2010 г. Комитет ЮНЕСКО внес мэшрэп в список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране [14]. Критериями для включения мэшрэпа в данный список послужило то, что он сочетает в себе ритуальные практики, религиозное обучение, музыку, танцы, песни, игры, национальную кухню и является пример живой традиции, способствующей сохранению культурной самобытности уйгуров. Современный мэшрэп, более всего, представляет собой комплекс элементов традиционной культуры уйгуров, сформировавшийся на протяжении достаточно длительного времени. Он включает в себя как религиозную составляющую (определенную систему молитв и ритуалов), так и разного рода песни, танцы, фольклор, относящиеся к «народной культуре». Следует заметить, что они являются важной стороной менталитета уйгурского этноса и по-прежнему продолжают восприниматься в качестве одного из ключевых аспектов их национальной идентичности [9, с. 23].

Особой стороной мэшрэпа является неформальный суд на основе норм морали, принятых в уйгурском обществе. Данная процедура осуществляется в рамках специфически обговоренного контекста [17, с. 32]. На общественный суд может выноситься обсуждение морального облика членов общины (употребление алкоголя или сожителство со второй женой) [19]. Мэшрэп часто называют «школой морали» [16], причем как для юного поколения, так и для людей зрелых, поскольку через эти коллективные собрания осуществляется социальный контроль, в т. ч. опирающийся на религиозные принципы.

Британская исследовательница Р. Харрис отмечает рост популярности мэшрэпа с лета 2012 г. в регионе. Отчасти это обусловлено государственной политикой, направленной на противодействие религиозному экстремизму. Часть активистов исламского движения в Синьцзяне выступает категорически против песен и танцев, которыми сопровождается любой мэшрэп, считая, что это противоречит нормам религии. В противовес им власти КНР принимают меры к популяризации народной музыки и танцев и стремятся держать ситуацию в Синьцзян-Уйгурском автономном районе под контролем. Об этом свидетельствует ряд фактов. С середины 2012 г. телевидение КНР стало более активно транслировать по телевидению музыкальные и танцевальные ансамбли Синьцзяна, исполняющие традиционные песни и танцы уйгуров. В научной среде появилось несколько публикаций на уйгурском и китайском языках, а в книжных магазинах продавались наборы DVD-записей мэшрэпов. На рынке появилась новая серия бытовой техники под брендом «мэшрэп», а в регионе стали открываться многочисленные рестораны под названием «Мэшрэп» [8, с. 25].

Подобная популярность свидетельствует не только о государственной поддержке, но и о всплеске уйгурской национальной гордости этой традицией. Однако ряд мероприятий властей КНР на практике оборачивается борьбой с мэшрэпами в уйгурских сельских общинах, на низовом уровне, где эти собрания часто квалифицируются как «террористические сходки» [8, с. 25].

Заклучение

Мэшрэп можно рассматривать в качестве одного из ранних обычаев уйгурского народа. При этом не представляется возможным установить нижний рубеж хронологических рамок этого обычая. Некоторые структурные компоненты и ритуалы уйгурских мужских собраний позволяют считать, что они появились в Восточном Туркестане до исламизации региона. Институт мужских объединений известен многим народам мира, достаточно развит он был и у оседлых народов Центральной Азии. К сожалению, в достаточно богатой художественной литературе самих уйгуров нет описаний мэшрэпа. Произведения XI–XIX вв. преимущественно представлены лирическими поэмами, историческими биографиями и энциклопедическими словарями. Изучение мэшрэпа стало возможным лишь благодаря работам исследователей, посещавших Синьцзян во второй половине XIX – начале XX в. Однако и в этот период, как и на протяжении XX в., традиция мужских собраний у уйгуров еще не была объектом прямого специального изучения.

Анализ структуры и содержательных компонентов мэшрэпа позволяет относить его к разновидности института мужских объединений. Как правило, он включал в себя представителей двух-трех поколений, которые собирались на практически постоянной основе. Так, за опоздание на вечер налагался штраф; если мужчина не мог посетить собрание, он должен был предупредить заранее, а если часто пропускал вечера или совершал неблагоприятные проступки, то мог быть и исключен. Мэшрэп отличался строгим регламентом, предусматривающим выборность руководителей, обязательный трехкратный намаз, специфический этикет (минуты молчания, строгие позы, особая система рассаживания), штрафы и наказания.

Мэшрэп выполнял социально-воспитательные функции. Во время собраний решались насущные вопросы кишлака или махалли, связанные с ремонтом дорог и ирригационных сооружений, строительством домов, организациями праздников (Навруз, Мухаррем, Рамазан и др.), устройством свадеб и похорон. В случае необходимости на собрании обсуждался морально-нравственный облик участников. В мэшрэпе осуществлялось коллективное воспитание молодежи. Юноши учились держаться в обществе, усваивали нравственные и культурные ценности своего народа. Во время мужских собраний поднимались и политические темы, что было актуальным в условиях перманентной национальной борьбы уйгуров против китайского господства. Можно считать, что в мэшрэпах формировалось общественное мнение своего времени и региона. Большое значение имело религиозно-культурное содержание традиционных вечеров. Собравшиеся слушали и воспроизводили песни и стихи, народные предания, исполняли национальные танцы. Во многом благодаря этому сохранился шедевр национального музыкального искусства – двенадцать уйгурских мукамов. В свою очередь исполнение музыкально-поэтических произведений из суфийской литературы, регулярный и обязательный намаз, беседы и проповеди авторитетных стариков и духовных лиц укрепляли нормы ислама в сознании членов традиционных собраний.

В своем развитии традиция мэшрэпов прошла длительный путь, став к XIX в. не только комплексом мероприятий развлекательного характера, но и в некоторой степени фактором национального сплочения. На протяжении XIX–XX вв. – времени постоянных sporadических восстаний и мятежей уйгуров против китайских властей, несколько меняется и характер мужских вечеров. В отдельные периоды (60–70-е гг. XIX в., 30-е – первая половина 40-х гг. и 90-е гг. XX в.) они начинают играть роль неформальных общественно-политических клубов, включающих сторонников национального движения, в первую очередь радикально настроенную молодежь. Как следствие, в конце XX в. мэшрэпы в СУАР как нелегальные общественные объединения оказались под запретом. Возможными остаются лишь встречи и вечера культурно-развлекательного характера.

На сегодняшний день, несмотря на комплекс факторов, ослабляющих основы традиционной культуры и религии и создающих риск для жизнеспособности мэшрэпа, этот обычай сохраняется и является значительным феноменом уйгурской самобытной культуры, который нуждается в дальнейшем всестороннем изучении.

Литература

1. *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. – 416 с.
2. Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II / под общ. ред. С.П. Толстого. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 797 с.
3. *Пантусов Н.Н.* Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа. Игры таранчинских детей и мужчин. Вып. 9. – Казань: Тип. лит. ун-та, 1907. – 12 с.
4. *Певцов М.В.* Путешествия по Китаю и Монголии. Путешествие в Кашгарию и Куньлунь. – М.: Дрофа, 2010. – 878 с.
5. *Хисматулин А.А.* Суфийская ритуальная практика: (на примере братства Накшбандийа). – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. – 208 с.
6. *Чвырь Л.А.* Обряды и верования уйгуров XIX-XX вв.: очерки народного ислама в Туркестане. – М.: Вост. лит-ра, 2006. – 286 с.
7. *Benaim R.D.* Should China Fear Islamic Insurgency? The Diplomat. – 29 May 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thediplomat.com/2014/05/should-china-fear-islamic-insurgency/>
8. *Harris R.* Intangible Cultural Heritage and Illegal Gatherings: reflections on the Uyghur Meshrep // First International Conference on Uyghur Studies History, Culture, and Society. – Washington: George Washington University, 2014. – P. 25.
9. *Harris R.* Song and Dance in Xinjiang: The New Battleground // Second International Conference on Uyghur Studies History, Culture, and Society. – Université Libre de Bruxelles, CERISciences Po, INALCO, and Central Asia Program at the George Washington University (November 17–20, 2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uyghur-studies.com/wp-content/uploads/2015/11/Uyghur-2015-Final-Booklet.pdf>
10. *Jarring G.* Gustaf Raquette and Qassim Akhun's Letters to Kamil Efendi // Ethnological and Folkloristic Materials from Southern Sinkiang. – Lund: Liber Läromedel, 1975. – 54 s.
11. *Kanat K.* Repression in China and Its Consequences in Xinjiang. – 28 July 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hudson.org/research/10480-repression-in-china-and-its-consequences-in-xinjiang>.
12. *Le Coq A.* Land und Leuten in Ostturkestan. – Leipzig: Buchhandlung, 1928. – 183 s.
13. Meshrep [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ichcap.org/eng/contents/ich.php?mode=view&code=H0000023> 2017
14. Meshrep [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unesco.org/culture/ich/USL/00304>.
15. *Roberts S.* «The Dawn of the East»: A Portal of a Uyghur Community Between China and Kazakhstan // Situating the Uyghurs between China and Central Asia. – Aldershot: Ashgate, 2007. – P. 203–218.
16. *Sawut P., Rahile D., Saadet K.* Uyghur Meshrep culture and its social function // Fourth World Journal. – 2017. – Vol. 15, №. 2. – P. 81–90 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://search.informit.com.au/documentSummary;dn=655170979606425;res=IELIND>.
17. *Shih C.* Shaping Uyghur Identity through Cultural Activities: Meshrep among Various Uyghur Diaspora Communities in Europe // Second International Conference on Uyghur Studies History, Culture, and Society. – Université Libre de Bruxelles, CERISciences Po, INALCO, and Central Asia Program at the George Washington University

(November 17–20, 2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uyghur-studies.com/wp-content/uploads/2015/11/Uyghur-2015-Final-Booklet.pdf>.

18. Singh B. Separatism in Xinjiang: Between Local Problems and International Jihad? // IPCS Special Report 122, April 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ipcs.org/pdf_file/issue/SR122-CRP-SeparatismInXinjiang.pdf.

19. The Performance of Uyghur Ethnic Minority. – 6 May 2017 [Электронный ресурс. –] Режим доступа: <https://www.asiaculturaltravel.co.uk/the-performance-of-uyghur-ethnic-minority>.

20. Thwaites D.K. An Uyghur Meshrep Dichotomy // *Central Eurasian Studies Review*. – 2005. – Vol. 4, № 2. – P. 22–25.

21. Tursun N. Uyghur Muqam-Meshrebliri We Uning En'eniwi Exlaq Qimmiti Ustide Izdinish // *Туркология*. – 2011. – № 6 (56). – С. 61–81.

22. Working to keep Uygur folk tradition alive // *China Daily* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://usa.chinadaily.com.cn/life/2015-04/20/content_20487703.htm.

References

1. Valikhanov Ch.Ch. *Sobranie sochinenii v pyati tomakh* [Collected works in five volumes]. V. 3. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoi sovetskoj entsiklopedii, 1985. 416 s.

2. *Narody Srednei Azii i Kazakhstana* [The peoples of Central Asia and Kazakhstan]. V. II. / pod. obshch. red. S.P. Tolstogo. Moscow. Izd-vo AN SSSR, 1963, 797 s.

3. Pantusov N.N. *Materialy k izucheniyu narechiya taranchei Iliiskogo okruga. Igrы taranchinskikh detei i muzhchin* [Materials for the study of the adverbial dialect of the Ili district. Games of the Taranchin children and men.]. Iss. 9. Kazan': Tip. lit. un-ta., 1907. 12 s.

4. Pevtsov M.V. *Puteshestviya po Kitayu i Mongolii. Puteshestvie v Kashgariyu i Kun'lun'* [Travels in China and Mongolia. Travel to Kashgariya and Kunlun]. Moscow. Drofa, 2010. 878 p.

5. Khismatulin A.A. *Sufiiskaya ritual'naya praktika: (Na primere bratstva Nakshbandiia)* [Sufi ritual practice: (On the example of Naqshbandiyya brotherhood)]. St. Petersburg: Tsentr «Peterburgskoe Vostokovedenie», 1996. 208 s.

6. Chvyr' L.A. *Obryady i verovaniya uigurov XIX–XX vv.: ocherki narodnoy islama v Turkestane* [Rites and beliefs of the Uighurs of the XIX–XX centuries: essays of people's Islam in Turkestan]. Moscow. Vost. lit-ra, 2006. 286 s.

7. Benaim R.D. *Should China Fear Islamic Insurgency?* *The Diplomat*. – 29 May 2014 URL: <https://thediplomat.com/2014/05/should-china-fear-islamic-insurgency>.

8. Harris R. *Intangible Cultural Heritage and Illegal Gatherings: reflections on the Uyghur Meshrep*. First International Conference on Uyghur Studies History, Culture, and Society. – Washington: George Washington University, 2014. P. 25.

9. Harris R. *Song and Dance in Xinjiang: The New Battleground* // Second International Conference on Uyghur Studies History, Culture, and Society. – Université Libre de Bruxelles, CERI-Sciences Po, INALCO, and Central Asia Program at the George Washington University (November 17–20, 2015) URL: <http://uyghur-studies.com/wp-content/uploads/2015/11/Uyghur-2015-Final-Booklet.pdf>.

10. Jarring G. *Gustaf Raquette and Qassim Akhun's Letters to Kamil Efendi. Ethnological and Folkloristic Materials from Southern Sinkiang*. Lund: Liber Läromedel, 1975. 54 p.

11. Kanat K. *Repression in China and Its Consequences in Xinjiang*. – 28 July 2014 URL: <https://www.hudson.org/research/10480-repression-in-china-and-its-consequences-in-xinjiang>.

12. Le Coq A. *Land und Leuten in Ostturkestan*. – Leipzig: Buchhandlung, 1928. – S 183.

13. *Meshrep* URL: <http://www.ichcap.org/eng/contents/ich.php?mode=view&code=H0000023> 2017

14. *Meshrep* URL: <http://www.unesco.org/culture/ich/USL/00304>

15. Roberts S. *The Dawn of the East: A Portal of a Uyghur Community Between China and Kazakhstan* // *Situating the Uyghurs between China and Central Asia*. Aldershot: Ashgate, 2007. P. 203–218.

16. Sawut P., Rahile D., Saadet K. *Uyghur Meshrep culture and its social function* *Fourth World Journal*. – 2017. – Vol. 15, №. 2. – P. 81–90 URL: <https://search.informit.com.au/documentSummary;dn=655170979606425;res=IELIND>

17. Shih C. *Shaping Uyghur Identity through Cultural Activities: Meshrep among Various Uyghur Diaspora Communities in Europe*. *Second International Conference on Uyghur Studies History, Culture, and Society*. – Université Libre de Bruxelles, CERI-Sciences Po, INALCO, and Central Asia Program at the George Washington University (November 17–20, 2015) URL: <http://uyghur-studies.com/wp-content/uploads/2015/11/Uyghur-2015-Final-Booklet.pdf>.

18. Singh B. *Separatism in Xinjiang: Between Local Problems and International Jihad?* *IPCS Special Report 122*, April 2012 URL: http://www.ipcs.org/pdf_file/issue/SR122-CRP-Separatism_in_Xinjiang.pdf.

19. *The Performance of Uyghur Ethnic Minority*. – 6 May 2017 URL: <https://www.asiaculturaltravel.co.uk/the-performance-of-uyghur-ethnic-minority>

20. Thwaites D.K. *An Uyghur Meshrep Dichotomy* // *Central Eurasian Studies Review*. – 2005. – Vol. 4, № 2. – P. 22–25.

21. Tursun N. *Uyghur Muqam-Meshrebliri We Uning En'eniwi Exlaq Qimmiti Ustide Izdinish* // *Turkologia*. – 2011. – № 6 (56). – С. 61–81.

22. *Working to keep Uygur folk tradition alive* // *China Daily* URL: http://usa.chinadaily.com.cn/life/2015-04/20/content_20487703.htm.